

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Научная статья / Research article

Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории

О.С. Гайдаев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Более 20 лет прошло с тех пор, как Б. Бузан, О. Вэйвер и Я. де Вильде опубликовали ставшее классическим в дисциплине исследований о безопасности произведение «Безопасность: новая система анализа». Несмотря на попытки применения отечественными специалистами концептуального аппарата теории в исследовании международных проблем, знания о самой теории остаются фрагментарными. Подавляющая часть существующих работ обращается к интеллектуальному наследию так называемой Копенгагенской школы, в то время как более современные подходы и направления остаются практически вне поля зрения исследователей. Автор предпринимает попытку восполнить этот пробел. Данная статья открывает цикл исследований, целиком и полностью посвященных феномену секьюритизации: от самых ранних вех до современного этапа развития теории. Исследуются теоретико-философские предпосылки, а также идеи и положения теории секьюритизации, впервые сформулированные О. Вэйвером в конце 1980-х гг. Автор обращается к оригинальным работам и рукописям главных представителей Копенгагенской школы: О. Вэйвера и Б. Бузана, воспроизводя историю зарождения концепта секьюритизации и предлагая читателю погрузиться в атмосферу научных дискуссий о безопасности конца XX в. В результате проведенной работы становится возможным определить ключевые пункты в ранней теории секьюритизации: безопасность как речевой акт, национальная безопасность как главный объект анализа, постструктурный реализм как исследовательская позиция О. Вэйвера, а также идея о негативном значении безопасности. Делается вывод, что, несмотря на отмечаемые многими критиками недостатки ранней версии теории секьюритизации, в ее основе лежала ценная и продуктивная идея — попытка выйти за рамки представления о безопасности как абсолютном благе или метафизической сущности, что было свойственно традиционным и многим альтернативным подходам к определению безопасности.

Ключевые слова: секьюритизация, теория секьюритизации, Копенгагенская школа, международная безопасность, национальная безопасность, десекуритизация, постструктурный реализм

Благодарности: Финансирование не привлекалось. Автор работы выражает благодарность А.А. Сергунину, а также анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

Для цитирования: Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20—32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory

Oleg S. Gaidayev

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. More than 20 years have passed since B. Buzan, O. Wæver and J. de Wilde published their “Security: A New Framework for Analysis”, which has become a classic in the discipline of security studies.

© Гайдаев О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Although Russian scholars increasingly attempt to use the securitization theory's conceptual apparatus in their research, the knowledge of the theory itself remains rather fragmentary. The overwhelming majority of existing papers refer to the so-called Copenhagen School's (CS) intellectual heritage, while more comprehensive approaches and recent studies remain almost unknown among Russian scholars. The author attempts to fill this gap. This article is first in line of a series of studies, entirely devoted to the phenomenon of securitization: from the earliest milestones to the modern stage of development of the theory. The paper examines the theoretical and philosophical premises, as well as the ideas and assumptions of the securitization theory, first formulated by O. Wæver in the late 1980s. The author refers to the original texts of the main figures of the CS: O. Wæver and B. Buzan, conceptualizing the history of the concept of securitization and immersing the reader into the atmosphere of security studies field at the end of the 20th century. As a result, it becomes possible to determine the key elements of the early theory of securitization: security as a speech act, national security as a main focus of study, post-structural realism as a research agenda of O. Wæver, and the idea of security as a negative meaning. The article concludes that despite the shortcomings of the early theory of securitization noted by many critics, it was based on a valuable and fruitful idea — an attempt to go beyond the notion of security as an absolute good or a metaphysical entity, which was typical of traditional and many alternative approaches to the definition of security.

Key words: securitization, securitization theory, Copenhagen School, international security, national security, desecuritization, post-structural realism

Acknowledgements: No funding involved. The author of the paper is grateful to A.A. Sergunin, as well as to the anonymous reviewers for valuable advice and comments.

For citation: Gaidaev, O.S. (2021). Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 20—32. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Последние годы знаменуются ростом числа отечественных публикаций, связанных с применением теории секьюритизации для исследования международных проблем [Эйвазов 2017; Маталаева 2017; Коновалов, Погосян 2020]. На фоне роста научного интереса к наследию так называемой Копенгагенской школы исследований безопасности особую актуальность приобретает вопрос четкой, полной и недвусмысленной интерпретации идей и положений теории секьюритизации.

Приходится констатировать, что российский читатель в целом мало знаком с трудами зарубежных авторов по указанной теме, а имеющаяся на русском языке литература носит фрагментарный характер. Нередко понимание основных положений теории либо чрезмерно упрощается, либо теории приписывается то, чего она не содержит.

Теория секьюритизации определяет безопасность как форму дискурсивной практики¹, направленную на изменение

расстановки политических приоритетов [Морозов 2011: 25]. Иными словами, в процессе секьюритизации определяется, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода. При этом, в отличие от традиционных подходов, оценка реальности той или иной угрозы зависит не столько от объективных факторов, сколько от политического выбора, результата действий политических акторов и аудитории. Успех секьюритизации зависит в первую очередь от того, какое влияние политические акторы смогли оказать на целевую аудиторию, сформировать у нее определенную картину восприятия происходящего, соответствующую замыслам и намерениям акторов.

Данная статья начинает цикл исследований, посвященных феномену секьюритизации от времени зарождения до современного этапа развития этой отрасли научного знания. Целью работы является не просто познакомить читателя с содержанием этого концепта², но подробно, в деталях осветить самый

¹ В совместных публикациях О. Вэйвер и Б. Бузан определяли безопасность иначе: как форму социальной практики [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Подробнее об этом противоречии см.: [Stritzel 2007].

² Краткая характеристика основных идей и положений этой теории весьма удачно изложена в ряде работ

ранний этап (1983—1989 гг.) в эволюции теории секьюритизации, выявить, таким образом, предпосылки и теоретико-философские истоки ее возникновения, предлагая читателю погрузиться в атмосферу научных дискуссий конца XX в. о природе международной безопасности.

Автор статьи обращается к оригинальным текстам двух знаковых фигур так называемой Копенгагенской школы: Б. Бузана и О. Вэйвера, исследуя не только опубликованные работы, но также ценные рукописи, вместе проливающие свет на историю развития концепта секьюритизации и уточняющие его содержание.

Методология автора включает элементы так называемой «пост-кунианской» социологии науки Б. Бузана и Л. Хансен [Buzan, Hansen 2009: 40—41], а также микросоциологического подхода О. Вэйвера [Wæver 2010].

Отличительной особенностью первого подхода является сочетание индуктивных и дедуктивных стратегий при описании истории дисциплины международных отношений, изучение не только внутренних факторов, свойственных динамике поля академических дебатов, но и внешних: влияния крупных международных событий, а также институциональных перемен в академической среде.

В свою очередь, микросоциологический подход характеризует внимание к личностям самих авторов работ, стремление «быть ближе к исследователям, непосредственно выбирающим над чем работать, как формулировать теории и где публиковаться» [Wæver 2010: 651].

Таким образом, суть исследовательского подхода автора состоит в стремлении описать теорию секьюритизации не в виде неких статичных постулатов, а как динамично меняющуюся область научных знаний, неразрывно связанную с трансформацией международных отношений и личностями авторов, чьи научные убеждения со временем также претерпевали изменения.

На заре нового этапа исследований: от традиционной к расширительной трактовке безопасности

Многие, кто знаком с трудами Копенгагенской школы исследований безопасности, безошибочно определяют главное и фундаментальное произведение Б. Бузана и О. Вэйвера — «Безопасность: новая система анализа» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Изданию этой книги предшествовало десятилетие кропотливой работы целого коллектива авторов Копенгагенского института исследований мира.

Еще раньше, в 1983 г., увидела свет работа, ставшая для целого поколения авторов настольной книгой по изучению проблем теории международной безопасности — «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» [Buzan 1983]. Именно это произведение английского исследователя Б. Бузана принято считать своеобразной точкой отсчета в научных изысканиях Копенгагенской школы и качественно новым этапом в осмыслении концепта безопасности в теории международных отношений.

Б. Бузан одним из первых в академических кругах Запада убедительно показал существующие ограничения в теоретических конструктах политических реалистов и идеалистов. Английский исследователь подверг критике как политический реализм с его приématом силы, так и школу исследований мира, поскольку в обоих случаях в фокусе исследования оставались главным образом проблемы войны и мира, а безопасность выступала лишь производной от силы или следствием установления мира.

Критикой существующих подходов Б. Бузан не ограничился. Буквально на первых страницах книги автор заявляет: «Наша задача — создать заново концепцию безопасности; мы не можем ее реабилитировать, потому что она никогда не была в должном рабочем состоянии» [Buzan 1983: 2]. Истинная же цель работы читается между строк: автор первым предложил создать такую теоретическую модель анализа международных отношений, в которой именно безопасность, а не сила или любой другой концепт стала бы

отечественных авторов. Подробнее, в частности, см.: [Макарычев 2008; Морозов 2011].

стержнеобразующим, а не второстепенным элементом теории.

Вместе с тем Б. Бузан в своих поисках нового понимания безопасности неизбежно вынужден выходить за рамки традиции, задавая простые, но неудобные для привычной теории вопросы. Безопасность для кого? Ответить просто: «Государство не решает проблему», — резюмирует исследователь. Так, продолжая ту же линию, намеченную в работах К. Уолтца [Waltz 1979], автор приходит к одной из основополагающих идей, ставшей впоследствии стержневой для исследований Копенгагенской школы: безопасность имеет множество референтных объектов, а безопасность одного не может быть адекватно оценена без привязки к безопасности другого.

Вслед за К. Уолтцем Б. Бузан выделил три уровня анализа безопасности:

- 1) уровень индивида (безопасность индивидов);
- 2) уровень государства (национальная безопасность);
- 3) уровень системы (международная безопасность).

Исследовать безопасность, по мнению автора, необходимо комплексно на всех уровнях. Как мы увидим далее, эта идея получила развитие и в теории секьюритизации.

И все же в центре внимания автора находилась именно национальная безопасность. Отвечая на вопрос, что же составляет угрозу национальной безопасности, Б. Бузан предложил классифицировать угрозы по соответствующим пяти секторам, таким как: военный, политический, экономический, экологический (сектор окружающей среды), социальный (последний появляется во втором издании книги 1991 г.).

Такой аналитический прием явился важным методологическим инструментом, который Б. Бузан впоследствии привнес и в Копенгагенскую школу исследований безопасности. Безопасность как субъект больший, чем нечто, связанное с военными угрозами, стала характерной чертой исследовательского подхода не только Копенгагенской школы, но и целой плеяды авторов, условно причисляемых к представителям

расширительной трактовки безопасности (*wideners*). Хотя сам Б. Бузан [Buzan 1997: 9] впоследствии и относил себя к таковым, он принимал во внимание и критику тех, кто полагал, что чрезмерное расширение поля исследований безопасности может разрушить весь эвристический потенциал концепта.

В целом в работе «Люди, государства и страх» Б. Бузана нет стройных теоретических конструктов, как нет и заявленной методологии исследования. Едва ли можно утверждать, что автор действительно осмыслил концепт во всей его полноте, а содержание книги породило скорее больше вопросов, чем ответов. Как позднее напишет сам Б. Бузан, эта книга и не подразумевалась в качестве канона, а задумывалась как плацдарм для будущих изысканий и альтернативных взглядов [Buzan, Wæver 1997: 250]. Произведение затрагивало по большей части не методические, а философские аспекты проблемы и помогло, по мнению Б. Бузана и О. Вэйвера, открыть полноценные «дебаты вокруг концепта безопасности» [Buzan, Wæver 1997: 250].

Более того, уже на данном этапе было положено начало разработке концептуальных основ подхода, который более поздние современники назовут «Копенгагенской школой» исследований безопасности. Под концептуальными основами здесь подразумевается ряд исследовательских принципов: это, прежде всего, расширительная трактовка безопасности, а также идея о множестве референтных объектов безопасности и их взаимозависимости.

На момент публикации первого издания книги в 1983 г. самому Б. Бузану было уже 37 лет, тогда как другой известный представитель будущей Копенгагенской школы — 22-летний датчанин Оле Вэйвер — был пока лишь студентом факультета политических наук в Копенгагенском университете. Позднее в своей автобиографической работе О. Вэйвер так охарактеризовал влияние, оказанное на него знакомством с работой Б. Бузана: «Лично для меня эта книга особенно важна по нескольким причинам. Во-первых, я использовал ее как фон, на котором формулировал и систематизировал прежде

разрозненные мысли вокруг концепта безопасности... в особенности в части, касающейся идеи поиска правильного “баланса” между индивидуальной, глобальной и национальной безопасностью... [Во-вторых], наше сотрудничество имело решающее значение в становлении моей академической карьеры, так что эта книга обязательно должна быть в моем списке хотя бы по этой причине»³.

Забегая вперед, необходимо отметить, что именно О. Вэйверу несколько позднее удалось сформулировать те самые, ныне всемирно известные положения новой теории. О. Вэйвер и Б. Бузан стали работать вместе, положив начало Копенгагенской школе исследований безопасности.

О. Вэйвер, хотя и проявлял интерес к постмодернистским концепциям, сформировался как ученый и унаследовал немало идей, присущих политическому реализму и даже политической экономии. Он сам характерно назвал свою исследовательскую позицию «постструктурным реализмом», объединив в одном названии оба направления (к чему мы еще вернемся позже), и впоследствии так и не стал выраженным адептом постмодернизма.

В своей автобиографии О. Вэйвер перечисляет авторов, оказавших ключевое влияние на формирование его научных взглядов. Среди них наряду с такими постмодернистами, как Ж. Деррида, Р. Эшли, Р. Уолкер, упоминаются Ф. Ницше, К. Маркс, Х. Арндт, Г. Киссинджер, Э. Лаклау и Ш. Муф, а также К. Уолтц — главный идеолог структурного реализма. К слову, произведение К. Уолтца «Теория международной политики» [Waltz 1979] О. Вэйвер характеризует как вероятно важнейшее произведение за всю истории дисциплины международных отношений [Wæver 2009: 203], отмечая, в частности: «Книга Уолтца 1979 г. — это повторное утверждение реализма в новом свете. Обращаясь к нуждам социальной науки и в особенности теории, сформулировав системно-структурный подход, реализм был изложен

[им] в системном и минималистичном ключе, где предметная дискуссия заменила собой прежние широкие спекуляции. Получившаяся теория стала *теорией* международных отношений в невиданной до этого степени, и привела к впечатляющим результатам»⁴.

Как позднее отметила британская исследовательница Р. Флойд: «Первая причина, почему Уолтц важен для теории секьюритизации, кроется в вопросе метатеоретических оснований теории международных отношений. Другими словами, ...не важно, что Уолтц на самом деле говорит про международную политику как таковую — важна его оценка вопросов границ и ограничений для [любой] теории» [Floyd 2010: 19].

Таким образом, О. Вэйвер, разрабатывая теорию секьюритизации, исходил из того же принципа: любая теория функциональна и способна работать, если фокусируется лишь на определенном круге явлений и фактов. В противном случае теория размывается, ее объяснительный потенциал угасает. Это делает понятным, почему, например, О. Вэйвер в своих ранних работах сознательно предпочитал оставлять за скобками роль исторического и социального контекста в процессе секьюритизации, предлагая фокусироваться на исследовании безопасности как речевого⁵ акта [Floyd 2010: 21].

Что же касается интереса О. Вэйвера к постмодернистским концепциям, то проследить его можно, начиная с увлечения автора идеями Ф. Ницше. Как пишет сам О. Вэйвер, «основная повестка Ницше не связана с методологией или даже историей, но с вопросом “переоценки всех ценностей” как попытки культивировать волю к созиданию новых ценностей»⁶. Далее О. Вэйвер приводит в качестве примера концепт безопасности

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Позже это породит немало споров в академической среде. Ряд зарубежных исследователей начнут развивать собственные подходы к исследованию процессов секьюритизации, в фокусе которых будут преимущественно внеязыковые факторы.

⁶ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 6. URL: www.academia.edu/2317814/Autobiography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

³ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 21—22. URL: www.academia.edu/2317814/Autobiography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

и утверждает, что «самые радикальные аргументы в пользу того, почему нам не нужна [такая] безопасность, а что-то более интересное — берут свое начало именно от Ницше»⁷.

В постструктуралистском ключе, солидаризуясь с идеей деконструкции Ж. Деррида, О. Вэйвер начинает воспринимать человеческое мышление текстуально. Текст для него — так же как для Ж. Деррида — это концептуальное пространство, само по себе порождающее смыслы и обретающее черты реальности. Опираясь на аргументы, представленные Ж. Деррида, в частности, в работе «Письмо и различие» [Деррида 2000: 447—448], датский исследователь изложил собственную научную позицию: «В моем случае важными областями, где эта общая “философия” Ж. Деррида проявила себя, были теория речевых актов и не в последнюю очередь дискурсивный анализ. Она (философия. — *Прим. авт.*) указывает, что нужно изучать в тексте, как он продуцирует собственные значения»⁸.

Пожалуй, одним из самых влиятельных источников в теории секьюритизации и одновременно самым недооцененным является философия Х. Арндт и ее концепция политики⁹. Сам О. Вэйвер только в 2014 г. в одной из своих работ прямо заявил: «Теория секьюритизации изначально строилась на теории речевых актов, потому что это был работающий метод, защищающий политику в представлении Арндт. Короче говоря, своему политическому видению теория

секьюритизации обязана Арндт, а техническому исполнению — теории речевых актов» [Wæver 2014: 122].

Центральное понятие в философии Х. Арндт, *vita activa* (деятельная жизнь), подразумевает три ипостаси человеческой деятельности:

1) труд (определяется биологической нуждой, имеет место в сфере частного);

2) созидание (изменение окружающего мира человеком, создание «надприродного» мира);

3) действие (деятельность в публичном пространстве и политической жизни). Именно через политическое действие в концепции Х. Арндт реализуется подлинное человеческое бытие, подтверждается и раскрывается весь потенциал его возможностей [Ломако 2015: 23].

Как подчеркивает сама философ, действие возможно только совместными усилиями и невозможно без речи: «Действуя и говоря, люди всякий раз обнаруживают, кто они по сути, активно показывают личную неповторимость своего существа, как бы выступают на сцене мира, на которой они не были так видны прежде»; «бессловесного действия строго говоря вообще не существует, ибо это было бы действие без деятеля; обе стороны человека, который “красноречив в словах, в деяниях крепок”, связаны между собой, потому что никакого собственно свершителя дел не было бы, не выступи он открыто с говорением речи» [Арндт 2000: 233—234].

Для теории секьюритизации идеи Х. Арндт имели принципиальное значение в нескольких аспектах.

Во-первых, они подчеркнули важность исследования дискурсивных практик в политике, поскольку для Х. Арндт действие не только порождается речью — речь перформативна и сама подразумевает действие, являясь условием всего политического [D’Entrèves 1994: 71].

Во-вторых, они позволили представить секьюритизацию как двунаправленный процесс, в котором участники взаимно конструируют друг друга (вместо привычного механистического понимания коммуникации,

⁷ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 6. URL: www.academia.edu/2317814/Autobibliography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

⁸ Ibid. P. 18.

⁹ Обрывочные упоминания трудов и идей Х. Арндт присутствуют как в самых ранних текстах О. Вэйвера, посвященных секьюритизации (1989, 1995 гг.), так и в более поздних (1998, 2003 гг.). О. Вэйвер посвящает Ханне Арндт отдельное упоминание и в автобиографической статье (2004 г.). Тем не менее о конкретных связях и влиянии работ Х. Арндт на теорию секьюритизации говорится лишь косвенно. Это позволило некоторым исследователям сойтись во мнении, что концепция политики Х. Арндт «молчаливо присутствует» в теории секьюритизации с самого ее основания.

в котором информация доставляется от активного субъекта пассивному реципиенту). Так, в одной из своих более поздних работ «Ложь и политика» Х. Арендт демонстрирует, как аргументы американского политического истеблишмента для обоснования вторжения во Вьетнам конструировались ожиданиями аудитории. Как резюмирует автор, «лжец имеет огромное преимущество, зная наперед, чего аудитория желает или ждет услышать» [Arendt 1972: 6].

В-третьих, концепция политики Х. Арендт позволяет понять эмансипационный, освободительный потенциал идеи десекьюритизации. Вместо того чтобы рассматривать все новые и новые проблемы как источники потенциальных угроз, О. Вэйвер в своих работах призывал к обратному: рассматривать угрозы как важные, но не экзистенциальные вопросы, обсуждать и решать их посредством стандартного политического диалога и политических процедур. Иными словами, вместо децизионистской политики, закрывающей возможность публичного обсуждения вопросов безопасности, переносящей эти вопросы в сферу оперативного реагирования и чрезвычайных действий, необходимо, напротив, искать возможность для политического диалога, возвращаясь, таким образом, в русло «арендтовской» политики — деятельной жизни, где возможны подлинная самореализация и развитие человека.

Из проведенного обзора источников, опираясь, в том числе на признания самого О. Вэйвера, можно заключить, что уже к началу академической карьеры научный кругозор датского исследователя составляли самые различные идеи и концепции. Несмотря на заметное увлечение постструктуралистскими теориями, О. Вэйвер сохранял также интерес к традиционным подходам в теории международных отношений.

Зарождение теории

Как признается сам О. Вэйвер, основные положения теории секьюритизации были сформулированы им уже в 1988 г.¹⁰,

а в следующем, 1989 г., из-под пера молодого исследователя вышло первое знаковое произведение, так им и не опубликованное: «Безопасность, речевой акт. Анализируя политику слова» [Wæver 1989].

В отличие от Б. Бузана, заложившего концептуальные основы Копенгагенской школы и оказавшего сильное влияние на своего юного коллегу, именно О. Вэйвер оформил теорию секьюритизации в виде готового научного продукта (к слову, первые упоминания терминов «секьюритизация» и «десекьюритизация» в политологическом смысле слова встречаются именно в рукописи 1989 г.). Остановимся на этой работе подробнее.

Сформулированная О. Вэйвером цель исследования, в сущности, повторяет замысел Б. Бузана — переосмыслить концепт безопасности. Однако О. Вэйвер решает эту задачу иначе.

Так, О. Вэйвер предлагает сосредоточиться исключительно на невоенных аспектах европейской безопасности, оставляя в центре внимания политико-идеологические и экономические отношения — главным образом между политическим Востоком и Западом. Актуальность этой работы не вызывала сомнений: на пороге близилось завершение холодной войны, а вместе с ней — и прежней модели взаимодействия, основанной на узкой интерпретации безопасности. Однако динамично меняющаяся обстановка, актуализация и постановка новых проблем требовала коренного пересмотра сложившихся взглядов и подходов.

О. Вэйвер исходил из того, что политика — это репрезентация социальной реальности, и действует она, как игра, по своим законам и правилам. На политической арене людям присваиваются определенные роли и позиции, которые не представлены в обыденной жизни, но люди действуют в соответствии с ними в политике. А когда политик характеризует какую-либо ситуацию как проблему безопасности, то он, по правилам этой игры,

¹⁰ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 2. URL: www.academia.edu/2317814/

Autobibliography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar_ (accessed: 04.12.2020).

стремится получить особое право для реализации задуманных им действий. В этот самый момент О. Вэйвер и связывает безопасность с теорией речевых актов британского лингвиста Дж. Остина: «Можно посмотреть на безопасность как на то, что в теориях лингвистики принято называть речевым актом. Он интересен не потому, что отсылает нас к чему-то реально существующему: само по себе высказывание есть реальное действие: говоря что-то — что-то считается сделанным (как заключать пари, давать обещание, нарекать корабль) и т. д. Говоря “безопасность”, политик переносит ситуацию в особое поле, стремясь получить право действовать для нейтрализации нежелательной динамики» [Wæver 1989: 5]. При этом, предвидя возможную критику, О. Вэйвер сразу делает оговорку, что безопасность — это больше, чем просто слово. Подразумевается, что за словами должны стоять реальные средства противодействия угрозам: если вражеские войска переходят границу, в распоряжении должны быть собственные военные силы, и т. п. [Wæver 1989: 5].

Видя в этой идее потенциал для развития новой теории, О. Вэйвер, как бы перенимая эстафету у К. Уолтца и Б. Бузана, обращается к идее о трехуровневой безопасности: личной, национальной и международной.

Можно ли, спрашивает О. Вэйвер, представить безопасность таким образом, в виде трехуровневого конструкта? Очевидно, что референтными при этом будут совершенно разные объекты безопасности. О. Вэйвер подвергает критике такой подход, выдвигая два контраргумента:

1) в такой интерпретации безопасности невозможно четко выделить референтные объекты (что, например, является объектом безопасности на международном уровне: агрегированная сумма национальных безопасностей всех государств? Сумма безопасностей всех людей на планете? Стабильность международного порядка?);

2) даже условно определив перечень таких референтных объектов, невозможно определить безопасность через призму всех трех уровней, поскольку динамика и сама

сущность безопасности на каждом уровне совершенно различны [Wæver 1989: 35]. Безопасность, таким образом, окажется попросту собирательным образом для разного рода явлений и неоперябельным понятием.

Как отмечает О. Вэйвер, «единственно здравый вариант, говоря о безопасности, придерживаться классической интерпретации (национальной безопасности) и расширить понимание актуальной динамики... Концепт безопасности определяется на уровне государства. Остальные уровни невозможно описать и объяснить в схожей манере. У нас есть разные отношения на всех трех уровнях. Но вопросы безопасности должны пониматься через призму “национальной безопасности”» [Wæver 1989: 36].

Эта идея О. Вэйвера наглядно демонстрирует отличие его взглядов от подхода так называемой альтернативной безопасности и критической школы исследований безопасности в частности. О. Вэйвер не отказывается от традиции; напротив, он работает в ней и оперирует ее же понятийным аппаратом. Свою методологическую позицию он характеризует как «постструктурный реализм», парадоксально объединяя вместе два антипода, две, казалось бы, взаимоисключающие позиции. Он поясняет, что понимать эту методологию можно двумя способами: как постструктурное прочтение реализма и как новое (пост-) прочтение структурного реализма К. Уолтца, ставшего главным объектом критики для деконструктивистов. Эта методология подчинена одной цели: развить теорию, которая была бы политической, то есть работала бы с политической реальностью как репрезентацией социального мира. Будет ли она при этом позиционировать себя где-то отдельно, за пределами «храма» традиционной мысли и реализма — уже не имеет принципиального значения.

Вот как сам О. Вэйвер описывает свой метод: «Метод заключается в работе с концептами реалистов до тех пор, пока эти концепты не перестанут работать в гармоничном, комфортном и стандартном для реализма дискурсе... Возьмем концепт — определенный фрагмент из мира реалистов — и начнем

его разворачивать... до тех пор, пока он не станет проблемным. Не изобретая новых значений, а терпеливо задавая вопросы, докапываясь до самой сути концепта, пока он не станет опасным, нестабильным» [Wæver 1989: 38].

Для О. Вэйвера этот аналитический процесс сродни деконструкции прежде метафизически определяемого концепта. Результат закономерен: безопасность, определявшаяся как некое абсолютное благо для круга референтных объектов, интерпретируется в тексте и через текст. Тогда «проблема безопасности представляется таковой теми, кто находится в соответствующей властной позиции. Это и есть реальное использование, реальная логика, стоящая за безопасностью. Просто не говорится вслух (по очевидным причинам), что “языковая игра безопасности” — это *jus necessitatis* для правящих элит. Смысл выцеживания этой логики из традиционного дискурса состоит не в том, чтобы “изобличить” эту обнаженную правду, чтобы люди “отказались” от безопасности. Эта логика безопасности является составным элементом логики наших политико-образующих принципов (на национальном и международном уровнях)» [Wæver 1989: 38].

Таким образом, О. Вэйвер утверждает, что за безопасностью некой абсолютной, трансцендентальной сущности стоит лишь дискурс, и все смыслы и значения в нем задаются человеком посредством языковой игры.

Рассуждая о безопасности в подобном ключе, О. Вэйвер характеризует ее как речевой акт, уточняя, что он имеет в виду лишь один из видов этих актов — иллокуцию [Wæver 1989: 6]. Тем самым датский исследователь использует понятийный аппарат теории речевых актов Дж. Остина [Austin 1962].

Несомненно, Дж. Остин в своих работах сумел наглядно показать ограничения, накладываемые структурной лингвистикой и лежащей в ее основе традиционной логикой, сам в какой-то степени став ее заложником. Впоследствии его дело продолжил американский философ Дж. Сёрль [Searle 1965]. Посвятив ранний период своей научной

деятельности философии языка, он существенно дополнил и пересмотрел ряд положений теории речевых актов и в 1965 г. опубликовал работу «Что такое речевой акт?».

Почему же О. Вэйвер обращается не к продолжателю начинаний Дж. Остина, а именно к первоначальной версии теории? И как в принципе он допускает возможность соединения своих постструктуралистских идей с теорией речевых актов, выросшей в лоне аналитической философии?

Ответ на первый вопрос раскрывает за собой и последующий: ранняя теория речевых актов Дж. Остина представлялась О. Вэйверу более удобной для прочтения в постструктуралистском ключе. И к такому выводу его, очевидно, подтолкнула острая полемика, развернувшаяся в 1977—1978 гг. между Ж. Деррида и Дж. Сёрлем, по итогам которой последнее слово осталось за французским философом [Wæver 1989: 44]. В то же время О. Вэйвер вновь ссылается на фигуру Ж. Деррида, говоря о речевых актах Дж. Остина: «Постструктурализм и аналитическая философия разделяют общее представление, что язык — это больше чем просто репрезентация. И на самом деле Ж. Деррида подчеркивал, что он разделяет некоторые основополагающие идеи Остина. Сёрлевская “Большая теория”, однако, видится более проблематичной, чем оригинальный Остиновский, более игривый вариант» [Wæver 1989: 44].

О. Вэйвер позже подробнее разъяснит свой отказ от использования речевых актов в понимании Дж. Сёрля: «Сёрль вымывает остиновскую теорию речевых актов (как большинство мэйнстримовых философов и лингвистов), когда он воссоздает водораздел между языком и действием. Радикальный потенциал теории Остина рассеивается, когда эти традиционалисты убирают все социальное из иллокуции и, по факту, сводят иллокутивный акт к коммуникации, исключая, таким образом, — вопреки оригинальному замыслу Остина — возможность единства речи и действия» [Wæver 2014: 123].

Возвращаясь к вопросу об иллокутивных актах: как О. Вэйвер обосновывает свой

выбор в пользу иллокутивных актов в контексте определения безопасности? Методом исключения можно убрать локуцию, поскольку, ознакомившись с оригинальной концепцией Дж. Остина, становится ясно, что «локутивное действие, в той же мере что и иллокутивное, является лишь абстракцией: каждое подлинное речевое действие является и тем, и другим» [Вдовиченко 2008: 108]. Иными словами, в речевой практике едва ли можно встретить локутивное высказывание (факт произнесения чего-либо) без иллокутивного действия: возникает картина бессмысленной вербальной игры «Назови правильно факт действительности» [Вдовиченко 2008: 110]. В свою очередь, иллокуция попросту невозможна без локутивного действия.

О. Вэйвер сознательно оставляет за скобками перлокутивные акты, поскольку они связаны с конечным эффектом, результатом и последствиями речевого акта — тем, чего задуманная им теория попросту не охватывает. Остается, таким образом, иллокуция — действие, обладающее определенной конвенциональной силой. В случае с безопасностью — это частично информирование об угрозе, предостережение, а также своего рода предложение, обещание использовать все возможные средства для борьбы с угрозой [Wæver 1989: 42].

Конвенциональная сила для О. Вэйвера — это своего рода энергия, трансформирующая социальную ситуацию между участниками, которая, в свою очередь, предшествует наступлению реальных эффектов и последствий, то есть перлокуции. К примеру, в момент заключения пари между участниками возникает новая конфигурация отношений, однако исход пари им еще неизвестен — никто пока не может оценить последствия от заключения этого пари. В отношении безопасности иллокуция предполагает не просто высказывание, а трансформацию социальных отношений как перенос некоего вопроса в специфическое дискурсивное поле безопасности, где участники начинают действовать определенным образом [Wæver 2014: 123].

Итак, уже ясно представляется, что О. Вэйвер в своей ранней работе наметил

основы новой теории понимания безопасности. Ему удалось выстроить вокруг классической идеи национальной безопасности качественно иной подход, основанный на постструктуралистском понимании политики и лингвистической теории речевых актов. О. Вэйвер отказался от абстрактного понятия защиты неопределенного круга референтов от объективно присутствующих угроз. Вместо этого он попытался сформулировать безопасность как речевой акт, в которой элиты, представляя определенные события в качестве угрозы безопасности, легитимизируют право на чрезвычайные и решительные меры.

Такой взгляд на безопасность подрывает стереотипные представления в духе «чем больше безопасности — тем лучше», поскольку теряет смысл противопоставление безопасности и небезопасности. Безопасность, по О. Вэйверу, — это не отсутствие угроз, это право на чрезвычайные и решительные действия при постоянном, «фоновом» присутствии угрозы. В свою очередь, небезопасность — это та же самая ситуация, только без адекватных мер по нейтрализации опасности. «Мы (к счастью) никогда не будем ходить вокруг и говорить “чудесно, как же нам сейчас безопасно”. Не было бы проблем безопасности, мы бы вообще мыслили другими категориями: политики, экономики и т. п.» [Wæver 1989: 36]. И здесь мы подходим к стержневой идее, главному выводу О. Вэйвера.

Если безопасность и небезопасность не формируют бинарной оппозиции, тогда безопасность теряет смысл как некое абсолютное благо. В определенных условиях безопасность, напротив, можно рассматривать как негативное явление. «Меньше безопасности — больше политики», — вот формула О. Вэйвера и главный вывод его исследования в отношении европейской безопасности.

Для преодоления сложившегося в Европе статус-кво и выхода из порочного круга взаимоотношений холодной войны О. Вэйвер видит единственно правильным выходом «десекуритизацию», то есть видеть некоторые «угрозы» как «вызовы», проблемы безопасности — как проблемы политики; открывать больше внутреннего пространства

для политической борьбы — даже если правила этой борьбы не кажутся «честными» по абсолютным меркам. «Если только открыть больше пространства для политики — в любом обществе найдется множество замечательных людей, готовых нести и продолжать это дело» [Wæver 1989: 52], — оптимистично подытоживает О. Вэйвер.

Заключение

Итак, как же можно охарактеризовать задуманный О. Вэйвером концепт секьюритизации?

По существу, ученый представил основы оригинального подхода, позволяющего исследователю более критично подходить к оценке и анализу вопросов безопасности. В отличие от прочих альтернативных подходов теория секьюритизации не ставит перед собой цели определить, какой должна или не должна быть «идеальная» безопасность. О. Вэйвера интересует скорее то, как безопасность работает на практике, в деятельности политических акторов — *in natura*. Если безопасность — это не абсолютное благо, а секьюритизация может обернуться еще большим расширением повестки вопросов безопасности, то в фокусе исследований оказывается вопрос: а стоит ли в принципе рассматривать определенную проблему под углом зрения безопасности [Huysmans 2002: 43—47]? Опираясь на философское видение политики Х. Арендт, О. Вэйвер видит благую общественную цель в обратном — сокращении неоправданно широкой повестки безопасности и десекуритизации.

Свою исследовательскую позицию О. Вэйвер характеризует как «постструктурный реализм», в котором нашли отражение элементы структурного реализма и постмодернизма. Воспринимая мышление текстуально в духе Ж. Деррида, О. Вэйвер, тем не менее, продолжает работать с концептами политических реалистов. Развивая идею о трехуровневой безопасности К. Уолтца (в интерпретации Б. Бузана), О. Вэйвер остается верен традиционному представлению

о том, что государство и национальная безопасность — это главные объекты анализа, а языковая игра безопасности — прерогатива правящих элит.

Тем не менее, обращаясь к работам Дж. Остина и характеризуя безопасность как речевой акт, О. Вэйвер испытывает большое влияние постмодернизма и в определенном смысле рискует.

С одной стороны, он стремится подчеркнуть идею о единстве речи и действия, перформативности языка — его способность задавать новые значения, влиять на конфигурацию социальных отношений в сфере безопасности.

С другой стороны, как отмечают некоторые исследователи, внимание к иллокуции (конвенциональной силе высказываний), а не перлокуции (реальным социальным и политическим последствиям секьюритизации) по факту оставило за скобками роль аудитории и ее реакции на происходящее, а следуя Ж. Деррида в попытках объединить постструктурализм с теорией речевых актов, О. Вэйвер недооценил роль внеязыкового контекста [Balzacq 2011: 19]. Такое прочтение секьюритизации как раз было больше свойственно раннему О. Вэйверу, который ставил в центр анализа событие речевого акта [Stritzel 2007: 359].

Так или иначе, при всех недостатках этой ранней теории можно заключить, что в ее основе лежит одна ценная мысль, свойственная всем последующим изысканиям в этой области: безопасность — это нечто большее, чем абстрактное благо или некая метафизическая сущность. Это обозначение для особого круга явлений, когнитивного пространства с присутствующими ему правилами игры, «внутренней кухни» и динамичными процессами, называемыми секьюритизацией и десекуритизацией. Несомненно, представление безопасности в подобном ключе положительно сказалось на дисциплине исследований в сфере безопасности и привело к продуктивным академическим обсуждениям и конструктивной критической рефлексии.

Поступила в редакцию / Received: 07.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 11.01.2021

Библиографический список

- Арендт Х.* Vita Activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Вдовиченко А.В.* “How To Do Things With Words” Дж. Остина: между логикой и коммуникацией (продолжение) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. Вып. 1 (11). С. 103—113.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000.
- Коновалов В.Н., Погосян Г.К.* Нагорно-Карабахский конфликт в контексте теории секьюритизации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 13—17.
- Ломако О.М.* Социальная философия Ханны Арендт: политика и этика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 21—25.
- Макарычев А.* Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25—40.
- Маталаева Ф.Э.* Секьюритизация международной миграции в Европе // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2017. № 2 (325). С. 45—57.
- Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24—35.
- Эйвазов Д.* Секьюритизация и региональная активность держав на примере политики России в украинском кризисе // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 156—173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9
- Arendt H.* Crises of the Republic: Lying in Politics, Civil Disobedience on Violence, Thoughts on Politics, and Revolution. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
- Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Balzacq T.* A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions and Variants // Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq. Abingdon: Routledge, 2011. P. 1—30.
- Buzan B.* People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983.
- Buzan B.* Rethinking Security after the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5—28. DOI: 10.1177/0010836797032001001
- Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Buzan B., Wæver O.* Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // Review of International Studies. 1997. No. 23. P. 241—250. DOI: 10.1017/S0260210597002416
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- D’Entrèves M.P.* The Political Philosophy of Hannah Arendt. London: Routledge, 1994.
- Floyd R.* Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Huysmans J.* Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security // Alternatives: Global, Local, Political. 2002. Iss. 27. P. 41—62. DOI: 10.1177/03043754020270S104
- Searle J.* What Is a Speech Act? // Philosophy in America / ed. by M. Black. Ithaca: Cornell University Press, 1965. P. 221—239.
- Stritzel H.* Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 357—383.
- Wæver O.* Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a Word. Paper presented at the Research Training Seminar, Sostrup Manor, June 1989. 68 p. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 05.12.2020).
- Wæver O.* The Theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization // International Relations. 2014. Vol. 29. No. 1. P. 121—127. DOI: 10.1177/0047117814526606d
- Wæver O.* Towards a Political Sociology of Security Studies // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 649—658. DOI: 10.1177/0967010610388213
- Wæver O.* Waltz’s Theory of Theory // International Relations. 2009. Vol. 23. No. 2. P. 201—222. DOI: 10.1177/0047117809104635
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley Publishing, 1979.

References

- Arendt, H. (1972). *Crises of the Republic: Lying in Politics, Civil Disobedience on Violence, Thoughts on Politics, and Revolution*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Arendt, H. (2000). *The Human Condition*. St. Petersburg: Aleteiya publ. (In Russian).
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Oxford: Oxford University Press.
- Balzacq, T. (2011). A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions, and Variants. In T. Balzacq (Eds.), *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve*. Abingdon: Routledge (pp. 1—30).
- Buzan, B., & Hansen, L. (2009). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B., & Wæver, O. (1997). Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies. *Review of International Studies*, (23), 241—250. DOI: 10.1017/S0260210597002416
- Buzan, B. (1983). *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Buzan, B. (1997). Rethinking Security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*, 32(1), 5—28. DOI: 10.1177/0010836797032001001
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
- D'Entrèves, M.P. (1994). *The Political Philosophy of Hannah Arendt*. London: Routledge.
- Derrida, J. (2000). *Writing and Difference*. Moscow: Akademicheskii prospect publ. (In Russian).
- Eyvazov, J. (2017). Securitization and Regional Activity of a Major Power: The Case of Russia's Policy during the Ukrainian Crisis. *International Trends*, 15(4), 156—173. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9
- Floyd, R. (2010). *Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huysmans, J. (2002). Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security. *Alternatives*, (27), 43—47. DOI: 10.1177/03043754020270S104
- Konovalov, V.N., & Poghosyan, G.K. (2020). The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Securitization Theory. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*, 8(85), 13—17. (In Russian).
- Lomako, O.M. (2015). Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 15(3), 21—25. (In Russian).
- Makarychev, A. (2008). Security and the Return of the Political: The Critical Debates in Europe. *Security Index*, 14(4), 25—40. (In Russian).
- Matalaeva, F.E. (2017). The Securitization of International Migration in Europe. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' — Observer*, (2), 45—57. (In Russian).
- Morozov, V.E. (2011). Security as a Form of Political: On Securitization and Politicization. *Polis. Political Research*, (3), 24—35. (In Russian).
- Searle, J. (1965). What is a Speech Act? In M. Black (Eds.), *Philosophy in America*. Ithaca: Cornell University Press (pp. 221—239).
- Stritzel, H. (2007). Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*, 13(3), 357—383.
- Vdovichenko, A.V. (2008). J. Austin's "How To Do Things With Words" between Logic and Communication. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 1(11), 103—113. (In Russian).
- Wæver, O. (1989). *Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a Word*. Paper presented at the Research Training Seminar, Sostrup Manor, June. P. 1—68. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 05.12.2020).
- Wæver, O. (2009). Waltz's Theory of Theory. *International Relations*, (23), 201—222. DOI: 10.1177/0047117809104635
- Wæver, O. (2010). Towards a Political Sociology of Security Studies. *Security Dialogue*, 41(6), 649—658. DOI: 10.1177/0967010610388213
- Wæver, O. (2014). The Theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization. *International Relations*, 29(1), 121—127. DOI: 10.1177/0047117814526606d
- Waltz, K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Boston: Addison-Wesley Publishing.

Сведения об авторе: Гайдаев Олег Сергеевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.gaidaev@gmail.com).

About the author: Gaidaev Oleg Sergeevich — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: o.gaidaev@gmail.com).